

Учитывая, что эти пробы также включали проверку актёрских боевых навыков, они проводились в небольшом банкетном зале отеля с достаточно высокими потолками, что позволяло актёрам относительно свободно двигаться.

Войдя внутрь, Бай Сяо сначала поприветствовал всех наставников и кратко представился. Постановщик боёв Хоу Юньлян, когда не улыбался, выглядел очень сурово, но на самом деле был весьма добродушным. Он улыбнулся и поздоровался с ним, а затем швырнул ему деревянный меч.

Режиссёр сказал:

— Первая сцена... Сначала сыграйте момент, когда Цзин Ляньшэн впервые видит Мужун Юнь.

Мужун Юнь — героиня этой постановки. Её боевые навыки были посредственными, но лёгкое мастерство — крайне высоким. Проходя мимо роши, она издали увидела, как Цзин Ляньшэн тренируется с мечом, тайком подобралась поближе. Зная, что он скоро её заметит, она озорно сорвала несколько листьев, придала им силу внутренней энергией в пальцах и метнула в сторону Цзин Ляньшэна.

Услышав свист рассекаемых листьев, но не почувствовав убийственного намерения, Цзин Ляньшэн развернулся и, не глядя, аккуратно разрубил каждый из налетевших листьев ровно пополам. Проследив направление, откуда прилетели листья, он поднял взгляд и увидел на дереве поодари ту самую девушку в изумрудном одеянии, беззаботно сидящую на тонкой ветке и озорно ему улыбающуюся, словно лесная птица, принявшая человеческий облик.

Режиссёр попросил Бай Сяо сыграть именно переход от момента, когда Цзин Ляньшэн отрубает листья, до изменения в его выражении лица в миг, когда он поднимает взгляд.

Если разбирать подробно, в этом отрывке нужно было передать четыре этапа перемен.

Первый этап — когда Цзин Ляньшэн тренируется с мечом. В старой версии «Меча Решимости» в этот момент Цзин Ляньшэн находился в безлюдной роще, его выражение было свободным, раскованным, даже дерзким. В оригинальном произведении старика Чана не упоминалось душевное состояние Цзин Ляньшэна в этот момент, но Бай Сяо читал первоисточник. Во время вчерашнего обсуждения с учителем Чжан Цином он пришёл к выводу, что, учитывая жизненный опыт Цзин Ляньшэна с детства, в это время он по-прежнему должен быть сдержанным. Он привык скрывать свои чувства, и даже в безлюдном месте эта глубоко въевшаяся привычка не менялась — он должен был быть довольно подавленным.

Поэтому в этой части его взгляд должен быть опущен, выражение — сдержанным. Однако в каждом его движении, каждом приёме должна была проявляться дерзость, выпуская наружу подавленность, накопившуюся в сердце после многочисленных неудач на пути поисков виновника смерти отца.

Второй этап — момент, когда он осознаёт, что в него летят листья. Не почувствовав убийственного намерения, он испытывает удивление, а к этому жалкому мастерству — лёгкое презрение. Поэтому в миг, когда он, не глядя, разрубает листья, на его лице должна мелькнуть тень насмешки и высокомерия. Он небрежно рассекает листья пополам, оборачивается и видит девушку на дереве.

Третий этап — он поднимает взгляд снизу вверх, одним взглядом замечает девушку, сидящую на вершине дерева, и влюбляется в неё с первого взгляда.

Четвёртый этап — возвращается рассудок, он по привычке надевает свою обычную маску, вновь обретая холодное выражение, стоит с мечом в руке и лишь холодно спрашивает:

— Кто ты?

За такой короткий промежуток времени изобразить эти сложные изменения в выражении было непросто.

Бай Сяо собрался, закрыл глаза, глубоко вдохнул, и, когда открыл их снова, его лицо стало пустым.

Он взял деревянный меч, сделал мельничку, и в миг, когда меч рванулся вперёд, он уже стал тем самым рано прославившимся гением боевых искусств Цзин Ляньшэном.

Деревянный меч в его руках танцевал, словно извивающийся дракон. То он был подобен дракону, взмывающему в небеса, отталкивался от земли, взлетал, и меч, рассекая воздух, словно мог расколоть небосвод; то он походил на дракона, таящегося в пучине, с невероятно устойчивой нижней частью тела, скользящего по земле, а меч носился вокруг тела, почти превращаясь в размытый след.

Вдруг он будто что-то услышал, слегка нахмурил брови, во взгляде появилось высокомерное пренебрежение, разрубил листья, не глядя, с лёгкостью, говорящей — не буду с тобой играть.

В сцене пробы, конечно, не было настоящих листьев. После того как воображаемые листья были рассечены, Бай Сяо замер на пару секунд в позе с занесённым за спину мечом. В комнате, где до этого звучал свист рассекаемого мечом воздуха, воцарилась тишина. Один из ассистентов даже невольно затаил дыхание.

Он убрал меч, обернулся, даже не утруждая себя оборонительной стойкой, желая посмотреть, кто же подшутил над ним. Обернувшись, он увидел ту самую очаровательно улыбающуюся девушку в изумрудных одеждах, и на его лице промелькнули проблески понимания и восхищения. В тот миг в глазах Бай Сяо словно вспыхнули звёзды, но эти звёзды постепенно угасли... Перед её красотой его гордость мгновенно испарилась, он даже стал немного скованным — в конце концов, он тоже был юношей, лишь недавно ступившим в мир рек и озёр.

Наконец, он вновь обрёл прежнюю холодность и тихо спросил:

— Кто ты?

В его голосе сквозила намеренно сдержанная нежность, словно он боялся потревожить хрупкий сон.

После завершения этой сцены один из ассистентов не удержался и захлопал, но режиссёр одним взглядом заставил его замолчать.

Вторая сцена, которую нужно было сыграть, — момент, когда Цзин Ляньшэн узнаёт, что Мужун Юнь — его сестра.

В тот день Цзин Ляньшэн сорвал ветку персикового цветка, чтобы подарить героине, а затем услышал, как та с её старшим братом по школе обсуждает смерть отца, и только тогда узнал, что она его единокровная сестра.

Увидев ветку персикового цветка, которую протянул ему ассистент, Бай Сяо не мог не улыбнуться — это была пустая пластиковая бутылка из-под воды.

Однако, как только началось исполнение, он полностью погрузился в роль.

Пластиковая бутылка, конечно, не была такой изящной, как ветка цветущего персика. Бай Сяо сжал бутылку в руке, сделал несколько шагов к центру игровой площадки, его взгляд, полный лёгкой улыбки, был устремлён на бутылку в руке, словно он смотрел на драгоценность, которую вот-вот подарит, всей душой надеясь, что она вызовет улыбку на лице красавицы.

Нежность в его глазах была почти осязаемой, уголки губ приподнялись несильно, но ямочки на щеках то появлялись, то исчезали, выдавая его прекрасное настроение.

Однако это выражение лица, подобное тающему айсбергу, вскоре полностью исчезло.

Будто услышав что-то, Бай Сяо внезапно остановился. Двигался он бесшумно, почти не издавая звуков, и сейчас замер тоже беззвучно. Казалось, он услышал нечто невероятное, нежное выражение на его лице постепенно угасло, сменившись пустотой.

Это пустое выражение сохранялось несколько секунд, затем он едва заметно дрогнул бровями, и всё его тело слегка задрожало.

У ассистента сердце сжалось — то мимолётное наморщивание лба заставило почувствовать, будто он заплакал.

Спустя мгновение он, казалось, вновь обрёл прежнюю холодность, но в глазах больше не было блеска. Он стоял на месте, на мгновение крепко зажмурился, затем без малейшего сожаления развернулся и ушёл.

Все присутствующие были увлечены его игрой. Когда исполнение наконец закончилось, всем, казалось, наконец удалось вернуться в реальность и перевести дух, в комнате поднялось оживление. Бай Сяо выпрямился, его выражение не изменилось, он поклонился режиссёру и остальным.

Хоу Юньлян усмехнулся:

— Бай Сяо, твой меч сегодня был недостаточно отточен!

Бай Сяо слегка склонил голову:

— Учитель Хоу, сегодня это деревянный меч... Я боялся действовать слишком быстро, чтобы он не сломался из-за недостаточной гибкости.

Хоу Юньлян кивнул:

— Хм... Если правильно контролировать силу, равномерно распределяя внутреннюю энергию по всему клинку, то он не сломается... Но в целом выступил неплохо, нельзя расслабляться, нужно продолжать стараться!

Бай Сяо кивнул:

— Да, обязательно. Благодарю учителя Хоу за наставления.

На этом пробы закончились. Режиссёр Ван Цзи, кроме указания, что нужно сыграть, ничего не

сказал.

Он всегда был серьёзен и производил сильное давление. Однако, когда Бай Сяо уже повернулся, чтобы выйти, Ван Цзи вдруг окликнул его:

— Погоди, а что это у тебя на спине за подпись Е Хэ?

Бай Сяо обернулся и с удивлением заметил на лице Вана Цзи лёгкую улыбку.

Он с улыбкой ответил:

— Только что встретил старшего товарища Е Хэ. Я давно им восхищался, вот, удачно подвернулась возможность, сразу поймал его и попросил автограф на память.

Услышав это, Хоу Юньлян рассмеялся:

— Е Хэ действительно нелегко поймать, береги эту одежду!

Бай Сяо кивнул, с улыбкой покинул площадку.

Бай Сяо был в целом доволен своим сегодняшним выступлением. Конкретный результат был ещё неизвестен, но, следуя принципу — сделай всё возможное, а дальше — как судьба распорядится, после проб он больше не размышлял об этом.

Выйдя, Бай Сяо попрощался с теми, кому ещё предстояло проходить пробы, и ушёл. Пэн Юйчэн даже специально проводил его до лифта, они обменялись контактами и только потом распрощались.

<http://bllate.org/book/15597/1390799>